

Весной в деревне только и разговоров было, что старая кобыла Буланка жерёбая, вроде молодой жеребец по кличке Мальчик постарался. Кобылу в работу не использовали, нельзя. Пусть ожеребится, а потом наверстаёт, небось работы к тому времени не убудет. Трактора в хозяйстве были, но на всё не хватало техники.

В мае Буланка опросталась, жеребёнок был карей масти, да тёмный такой, что его сразу конюх Карькой окрестил. Карька почти сразу вскочил на ноги, правда, стоять ровно ещё не мог, но к вымени матери потянулся. Буланка, облизавшая своего ненаглядного ребячёныша, терпеливо ждала, пока Карька найдёт сосок и напьётся кобыльего молока. Жеребёнок сосал жадно и много, не отошёл от матери, покуда не опростал кобылу. Ему показалось мало, но у Буланки больше не было молока, и она отошла от жеребёнка. Карька попытался догнать мать, но шаги были неумелые и, притомившись, жеребёнок лёг на траву. Буланка пощипала травку и подошла к своему последышу, начала облизывать ненаглядное и самое дорогое существо! Карька с удовольствием подставлял шершавому языку матери голову, уши и другие части тела.

Конюх обнаружил их к вечеру, кобыла была не стреноженная и даже передние путы не стали одевать, как-никак жерёбая, а ни одна нормальная мать не бросит своего жеребёнка. Карьку конюх укутал своим брезентовым плащом,

благо кобыла его уже облизала. Буланка семенила за конюхом, несшим на руках маленькое чудо природы, её жеребёночка, всё переживала, как бы не уронил. День выдался тёплый, и конюх Степан несколько раз останавливался, чтобы передохнуть. По дороге встретилась подвода, возвращался из района бригадир, и оставшуюся часть пути Карька ехал на телеге, укрытый брезентовым плащом. Буланка, не отставая, сунула морду к жеребёнку и заржала. Степан радостно засмеялся.

– Чего ржёшь, – улыбаясь, спросил Иваныч.

– Дык дитю радуется, – благосклонно пояснил конюх.

– Да я у тебя спрашиваю, дубина стоеросовая, – захохотал бригадир.

– Чё лаешься без дела? – огрызнулся Стёпа, ему было семнадцать лет и на другой год в армию идти.

Стёпа чувствовал себя взрослым, тем более старший конюх как-никак. Ему хотелось быть на равных правах с мужиками, среди которых почти все фронт прошли. А тут насмешка, хотя бригадир прав, Сибирь-матушка и в мае норы показать может, и жеребёнок мог сдохнуть от переохлаждения. Слава Богу, обошлось, Степан подоспел вовремя и плащ не зря прихватил, пригодился жеребёнка укрыть. Уже смеркалось, когда подвода подъехала к конюшне, Степан прикорнул к жеребёнку и дремал, несмотря на тряскую дорогу, когда Буланка по ошибке языком задела щеку Стёпе, он отмахивался, но продолжал спать. Иваныч взял на руки жеребёнка и понёс в денник, где стояла Буланка. Кобыла следовала за жеребёнком, не переставая волноваться. Карька пытался вырваться из крепких объятий бригадира, но тщетно. Денник был открыт, Иваныч сторожко вошёл, Буланка семенила следом, заглядывая через плечо мужчины на своё ненаглядное чадушко. Он опустил его на деревянный пол, устланный сеном в углу, Карька почувствовал опору под ногами, вскочил и тут же завалился на

бок, кобыла ласково заржала, давая понять, что она рядом, и, когда Иваныч отошёл, буквально ринулась к жеребёнку и стала облизывать. Успокоенный матерью Карька твёрдо встал на ноги и уверенно сделал шаг к материнскому вымени и, уткнувшись в брюхо кобылы, жадно ловил материнские соски и пил, пил, покуда молоко не кончилось. Иваныч и заспанный Степан, молча, наблюдали, как тело жеребёнка содрогалось от желания всосать всё молоко матери! Когда соски перестали отдавать живительное материнское молоко, жеребёнок топнул сердито копытцем. Старший конюх и бригадир покатались со смеху. Наутро вся деревня знала про Карьку. И как копытцем он топнул сердито, когда молоко кончилось! Людям по нраву пришёлся жеребёнок. На другой день Карька уже твёрдо стоял на ногах, при передвижении ноги ещё заплетались иногда, но он не сдавался. Через неделю Карька носился по конюшне и мешал уборке, напрасно Буланка тихим ржанием пыталась образумить своё неразумное дитя. Карька продолжал бегать и скакать без усталости.

Буланку освободили от работ, скотину умели беречь, не то, что людей. Выпускали кобылу погулять без пут, куда она с жеребёнком убежит, вечером Степан или Васька-конюх поедут на свободной лошади за Буланкой и Карькой не дальше «Первого леска», так назывался берёзовый колок в пяти километрах от деревни. Обычно там Буланка паслась, и трава сочная, и тень от деревьев, и ветерок гнус прогоняет. На водопой кобыла водила своего резвого Карьку на пруд, возле ленты соснового бора, прозванным Свинарским лесом, потому что летом там был выпас свиней. Пруд служил питьём и для колхозного стада, а для деревенской ребятни, пропадавшей на пруду весь летний день, водоём был местом для купания. Буланка выгадывала так, чтобы успеть до коров и чтобы ребяташки разбежались на обед. Вместе с коровами

кобыла не пила, вода была грязная, коровы заходили в воду по брюхо и жадно пили воду после обильного утреннего поедания сочной травы. Буланка могла попить и на ручье, бежавшем через всю деревню из артезианской скважины, но Карька становился неуправляем. Мальчишки гонялись за ним, жеребёнок скакал, как добрый конь, и изворачивался от рук мальчишек, норовивших схватить за гриву конька и попытаться прокатиться на нём, Буланка тревожно наблюдала за играми и ржанием предупреждала о коварстве мальчишек. Карьку никому не удавалось поймать, и только конюхи Стёпа и Вася иногда гладили по загривку жеребёнка, зазевавшегося в деннике, да и места для манёвра здесь было, конечно, меньше, чем у ручья!

Жеребёнок рос быстро, и норов у него был непростым, притронуться к себе он не позволял, мог и взбрыкнуть, ещё неумело, но со временем Карька научился искусству лягать копытами как задними, так и передними. Это умение не раз спасало жизнь жеребцу. Мать его, Буланка, была покладистой лошадью и в упряжке и под седлом она не позволяла себе вольностей. Пахать так пахать, скакать, тоже, пожалуйста. Правда, не так быстро и долго, но другие и так не выдерживали. Карька, в противоположность матери, мог и укусить зазевавшегося незадачливого прохожего. Пришла осень, следом зима. В Сибири эти два времени года неразрывно связаны с первыми заморозками, снегопадами, метелями и буранами. Снегу каждый год навалит столько, что детвора забирается на крышу конюшни, а она не то, что в коровнике, высокая! Для лошадей простор необходим и воздух чистый. В закрытом помещении лошади стоят зимой большую часть суток, и едят, и пьют, и нужду справляют, конюхи только успевают чистить денники, поить и кормить лошадей, ну и за упряжью следить. Особая статья – подковы, не приведи, Господь, на зиму не перековать кобылку или коня, всё – беда! Поскольз-

нётся, и седока зашибёт, и сама ноги переломает, а лошадь с полومانскими ногами в хозяйстве ни к чему, и отправят её, горемычную, на бойню, где из её мяса колбасу сделают и людям продадут, и ведь съедят!

Кузнец на селе, после председателя, второй человек! Чуть что, к дяде Саше, или Сан Санычу, выручай! И ведь никто не сможет помочь, только кузнец! А кузнец тоже человек, ну если не влюбил он кого, что делать горемыке? Кланяется, дескать, «Вся надежда на тебя, Сан Саныч!». Кузнец брови нахмурит. «Угля, – говорит, – мало завезли. А полотен сенокосных два десятка приволокли, ножи менять надо! Да и железа у меня с гулькин нос осталось, и то ржавое! Пока нагреешь такой кусок, ржа сколько железяки съест? Не знаешь, вот то-то и оно, вы только, как ломать, и знаети, а как починять, понятия у вас нет!» И так это указательным пальцем вверх тычет для значительности. Ну что делать, к Председателю идтить без толку!

– Нету у меня железа, вон, хошь, старую лобогрейку разбери и снеси кузнецу, авось смилостивится! А я ничем помочь не могу!

И покатыл дальше по своим делам, а к лобогрейке идти бесполезно, там всё, что можно было, уже свинчено и в дело употреблено тем же кузнецом. Газосварки ещё тогда не было, а дело стоит. Ладно, когда колхозное, а ежели что по хозяйству надоть, ужом вывернешься, а сделаешь! Запечатанную бутылку водки в магазине по такому случаю не жалко! Сан Саныч, а теперь уже просто дядя Саша, вытащит из укромного уголка кусок добротного железа и сделает так, что на многие годы забудешь про поломку. А зажмёшь магарыч, не взыщи! Дело ты, в конце концов, выходишь, но сделано будет кое-как и прослужит недолго. Коней ковать дядя Саша любил, какая-то нежность на суровом челе кузнеца пробивалась, он и погладит, по морде шершавой ладошкой проведёт

и гвоздь забьёт так ловко, что лошадь и не почувствует и не раскуётся никогда! Уже только за это ценили Сан Саныча, он был небольшой любитель выпить, а когда коней ковать, так за неделю до того дня не приложится. Лошади – это тебе не люди, перегар не терпят, другая – пьяному и сесть в седло не позволит. Хороший человек – лошадь!

Карьку подковывать было рано, так его и погулять больно не пускали, из своего денника – в свободный перегонят, чтобы обратиться и сена кинуть. Лошадь обычно не ложится и всю жизнь на ногах, как им это удаётся, непонятно. В ясли овёс насыплют, кто работает, знамо дело, больше корма получит. Карька любил уборку, особенно когда во двор выпускали на свежем воздухе погулять. Лошади, которые в сани запрягались, завидовали Карьке, гляди-кось, холят его и на работу не гоняют. По весне жеребцов на улицу не выпускают без уздечки, мало ли чего, убежит, потом лови его дня два, а то и три! Карька не давал на себя упряжь надеть, крутился, вертелся и ни в какую. Однажды его выпустили во двор конюшни во время уборки, стригунку уже год исполнился. Карька, ошалев от вольного воздуха, передними копытами сломал верхнюю жердь толщиной в пятнадцать сантиметров и спокойно, перемахнув через нижнюю жердь, поскакал в степь. Табун устремился за ним, как за вожаком. Пять минут не прошло, как молодые жеребцы скрылись из глаз, кобылы и старые кони смотрели с нескрываемой завистью на молодёжь.

Степан и Васька, слышав треск жерди, с ужасом смотрели за удаляющимся косяком из десяти жеребцов. Степан отвязал вороного коня и поскакал вслед за табуном, надеясь хоть часть жеребцов вернуть. После полудня троих жеребцов он смог завернуть и пригнать домой. За остальными жеребцами снарядили пять мужиков, главным поставили Сармана, высокого жилистого казаха, не знавшего равных себе объезжать коней. Ни разу жеребцы не сбросили Сармана! Мужики бывалые,

взяли еды в котомки и воды во фляги и поехали. Через пару дней вернулись двое мужиков, пригнали беглых жеребчиков, с которых лоск уже сошёл. Сарман знал своё дело, только Карька смог вырваться из всех ловушек, приготовленных для него хитроумным Сарманом. Через три дня вернулись остальные мужики во главе с Сарманом.

– Это не конь, шайтан какой-то, – возмущённо рассказывал Сарман. – Мы сделали ловушку, полдня из молодой берёзы вили, хорошо получилось. И загнали в ловушку, а он грудью порвал и ушёл! Шайтан, одно слово!

Решили записать, что жеребец сдох от болезни. Потом, что волки по весне задрали или по зиме? Долго судили-рядили, наконец, поставили естественную убыль. Вроде, как по старости, а жеребчику год исполнился, подсудное дело! Ветеринар выручил, поставил диагноз, падёж по неизвестным причинам, в скобках поставил туберкулёз костей. Попытки изловить Карьку время от времени делали, но он словно чуял вновь придуманные ловушки. К осени у Карьки грива стала шелковистая, питался он, не в пример, лучше колхозных лошадей и молодой порослью злаковых не гнушался и травушкой-муравушкой, а когда овёс поспел, вот где праздник живота наступил для Карьки. Однажды он много съел овса и выпил чистой озёрной воды, вот тут он и понял, к чему ведёт обжорство, овёс разбух в животе, и стало пучить, он катался по земле и пытался облегчиться, чуток бы, и не стало жеребца Карьки! Обошлось!

На всю лошадиную жизнь Карька запомнил этот урок и впредь не объедался! Немного погодя, злаковые с полей убрали, и трава пожухла. Есть стало нечего, корой с деревьев не наешься. Карька нашёл стога сена, не вывезенные летом, сломал жерди, преграждающие путь к пище, и опять повеселел. Скоро стожки уменьшились, не один Карька уто-

лял голод здесь. По зимнику стожки, оставшиеся, и вовсе вывезли. Карька повадился на колхозный сеновал, траншею перемахнёт – и нате, пожалуйте, кушайте – не обляпайтесь. Несколько раз его замечали возле колхозного сеновала, но поймать и думать не могли! Спал Карька на краю леса с подветренной стороны, и ветер тише, и ускакать всегда по степи можно. Однажды стая волков попыталась окружить коня и полакомиться, но не успели. Карька, почуяв недоброе, рванул в спасительную степь, матёрому волку, кинувшемуся наперерез Карьке, жеребец передним копытом проломил череп. Другому волку, уже нагнавшему жеребца и прыгнувшему под брюхо ему, Карька изловчился и копытами задних ног переломал рёбра, да так, что волк издох тут же. Стая без вожака остановилась, а Карька, шалея от собственной мощи, мчался вперёд к человеческому жилью, куда стая побоится подойти близко.

Несмотря на опасности вольной жизни, не всегда сытой и безопасной, Карька был доволен. Таскать сани или телеги за ведро овса или ячменя жеребец не хотел, морозы ему были не страшны, подшёрстка не давала замёрзнуть, а из-под снежной корки можно выдолбить кусочки замёрзшей травы. Лакомство, конечно, не из самых изысканных, но выбирать не приходилось. Впрочем, можно было вернуться к людям, в тёплую конюшню, защищённую от всех невзгод вольной жизни! Карька иногда подходил к конюшне, соблазн был велик, но кончалось очередным набегом на сеновал и поспешным ретированием в степь на волю. Первая зима была очень тяжёлой, и, когда пришла весна, жеребец радостно взбрыкивал от запаха тёплой земли и талого снега. Весенняя бескормица оптимизма не добавляла, но Карька стойко переносил лишения. В степи снег дольше лежал нетронутый весенним теплом, а в лесу сугробы и не думали отступать.

Карька чаще стал посещать сеновал. Однажды его чуть не изловили, спасли ворота, обычно запертые. А тут, как на грех, скотники, приехавшие за сеном для коров, не закрыли ворота, да и никогда не закрывали раньше. Первым жеребца приметил Бурамбай, Карька дремал за стожком и не заметил подбирающегося с арканом скотника. Запах коровьего навоза, пропитавший одежду человека, заставил очнуться от сна жеребца. Он, недолго думая, рванулся в сторону ворот, чего обычно не делал никогда. На его лошадиное счастье аркан, брошенный Бурумбаем, скользнул по ушам и опустился на холку, и неприятным холодком проехал по спине жеребца, ускатавшего в степь в очередной раз. Больше Карька не спал на сеновале, даже в лютый буран!

Так он приноровился жить в мороз, а тут тепло попёрло! Поначалу радостно было жеребцу, хоть подшёрстка, образовавшаяся на теле, Карьке не давала замёрзнуть, а всё-таки хотелось тепла, и свежей сочной травы, и тёплой воды. Пил Карька обычно из проруби на ручье, пробежавшем через всю деревню, жители поили своих животных водой из ручья, и для этого продавливали проруби на всём протяжении, в самом деле, не гнать же скотину в край деревни на прорубь, проще неподалёку от дома сделать другую и поить, когда вздумается. Карька старался приходить на водопой, когда смеркалось, и видно ещё, и лунка не затянулась льдом до конца. В сильный мороз приходилось утром подходить к ручью и утолять жажду, или в обед, когда ребятня бежит в школу, а навстречу им старшекласники, уже отбившие учёбу и спешащие домой пообедать и встретиться с друзьями для всевозможных игрищ. Особой популярностью пользовалась игра в войнушку. Каждый мальчуган, в силу умения и изобретательности изготавливал себе автомат или берданку, и игра длилась до захода солнца. Но прежде чем улепетнуть

из дома, обязательно надо было убрать у скотины и напоить её водой. Карька чаще всего приходил на водопой именно в это время, мальчишки торопились, подгоняли коров и телят, с баранами было сложнее, они бестолково жались все сразу и старались оттолкнуть ближнего, чтобы поскорее утолить жажду и зачастую в сутолоке опрокидывали ведро, одно слово, бараны!

Люди давно заметили Карьку и пытались подкараулить и изловить, но Карька становился матёрым жеребцом, сильным и умным! Если незадачливый ловец был в одиночестве, жеребец мог пойти нахрапом и опрокинуть седока вместе с лошастью, и пока наездник поднимался и ловил испуганную лошадь, Карька спокойно пил воду, после чего мог и лошадь погонять, чтобы досадить ловцу счастья, и жеребцов. Но случалось такое редко. Про жеребца ходили побасёнки: то как Карька старшего конюха загнал в денник и полдня не выпускал его, то как Карька на зимней дороге вступился за припоздавшего путника, на санях уходившего от волчьей стаи, якобы жеребец раскроил жожаку стаи череп и разогнал оставшихся хищников по степи. Правда, нет ли, кто знает, ну находили в степи остатки матёрого волка с разможжённой башкой, но чья это работа разве дознаешься? Карьку стали опасаться, но не сильно, некоторые, пешкодралом осмелившиеся зимой ходить, рассказывали, как за ними невдалеке, словно сопровождая, трусил жеребец, до первых изб. А потом пропадал, будто и не было!

Председателю колхоза Бутырину надоели эти рассказы, и, как только земля в степи подсохла, снарядили несколько человек с Сарманом во главе на поимку колхозного жеребца. Придумали изловить его в берёзовых колках, что располагались неподалёку от деревни. В засаду встали три всадника, загоняли ещё пять, больше деревня не могла дать, и так кол-

хоз некоторые работы отложил на пару дней, хотя это было и нарушение.

Замысел был прост и коварен, загнать Карьку в «Первый лесок», где снега было ещё много, и изловить! Снег и берёзки лишат его преимущества в скорости и манёвре. Поначалу всё шло, как задумано, жеребец легко удирал от наездников и даже заигрывал, то заржёт, призывая коней бежать с ним, сбросив седоков, то остановится и, встав на дыбы, колотит передними ногами и ржёт грозно! Наконец погоня стала настигать Карьку и направлять его в обход «Первого леска», как раз где должна была находиться засада. Жеребец, радуясь случаю посостязаться с взрослыми конями, поддал прыти... Неожиданно на пути оказались всадники. Слева лесок, справа и сзади погоня, что делать? Казалось, участь свободолюбивого жеребца, уходившего от волчьей стаи и порешившего вожака, была решена! Сейчас он повернёт в колок и, утонув в мокром, но рыхлом снегу, провалится по самое брюхо и станет лёгкой добычей всадников, накинута на него аркан или даже два, и с позором поведут пленника и поставят в денник, и прощай, свобода! Карька решился и кинулся между встречными всадниками! Лошади вопреки потугам наездников расступились, и жеребец оказался на воле и радостно заржал! Блестящая операция по поимке жеребца Карьки с треском провалилась! Сарман негодовал, как этот жеребец оказался смышлёней человека, ведь всё подгадали: и ветер был попутный, значит, засаду не учует, и охват произвели грамотно! Кто ж знал, что Карька безрассудно кинется на засаду и проскользнёт между коней?! «Шайтан, одно слово!» – бормотал обескураженный Сарман.

Карька наслаждался вольной жизнью, ночью прибегал к кобылам в ночное, первое время право спариваться с кобылами принадлежало жеребцу пятилетке Серко, его так и называли,

масть была серой с чёрными пятнышками, навроде как обрызгали его грязью. На вид Серко был не из самых красивых, но силы неимоверной, что тебе тяжеловоз и копыта огромные! Кузнец для жеребца особые подковы делал, тоже огромные. Ещё стригунком на него обратил внимание ветеринар Егор Кузьмич: крупный и смирный, ну а масть не велика беда, в конце концов, в табуне должны быть сильные и здоровые лошади, способные выполнять тяжелейшую крестьянскую работу, пахать и обрабатывать землю, возить различные грузы. В посевную на поля зерно отвезти надо, людям, живущим на бригадных станах, продукты завезти, воду. Пахать трактора могут, и сеялки по пахоте тянуть опять же многосильному трактору ДТ-54 способней. И сенокосилку тянуть может, а сколько притом травы помнёт! Колёсные тракторы уже были, но и для них работы было много, гусеничный трактор пока доползёт, колёсный туда и обратно смотается. Да и трава соляркой провоняет, а скотина такое сено не жалуёт!

Серко равнодушно взирал на попытки молодого жеребца огулять молодую красивую кобылку, ни разу не покрытую жеребцом. Наконец, когда уставшая от настойчивости кавалера, кобылка остановилась, покорно ожидая момент соития с Карькой, Серко налетел на парочку молодых лошадей и не дал погреть своё законное право осеменить кобыл! Карька, потерявший бдительность от возбуждения, был сбит с кобылы мощным крупом Серка, злобно ржавшим над поверженным соперником. Обескураженный неожиданной атакой жожака табуна, Карька медленно поднялся и начал приходить в себя, оценивая ситуацию. Удивление сменилось яростью, Карька начал фыркать губами, мотать головой. Серко спокойно стоял возле молодой кобылки, готовясь к спариванию с красавицей. Вдруг он услышал дикое ржание, и Карька, с пеной у рта и огромными зрачками, наскочил на жеребца. Серко хоть и не

ожидал нападения, но внезапную атаку ловко отбил, лягнув задними копытами неискущённого жеребца. Карька в последний момент убрал голову от удара подкованными копытами, но железо рассекло кожу на груди жеребца. Карька всхрапнул от боли и отскочил в сторону, отступить было не в правилах Карьки, но удар взрослого жеребца образумил его. Кровь сочилась по груди Карьки, ярость не покидала сознание, но аргументы у Серко были очевидны, гораздо сильнее желания соперника!

Карька долго хворал, в ночное не приходил. Рана медленно затягивалась, жеребец стойко в одиночестве переживал горечь поражения. Серко на глазах поверженного соперника спарился с молодой кобылкой, испугавшейся драки между самцами за право обладать ею. Серко ещё несколько раз добивался взаимности у кобыл, только Буланку не тронул. Старая кобыла не вызывала желаний у молодого жеребца, хотя ещё пару лет назад именно от этой связи появился на белый свет Карька, кинувшийся на своего биологического отца. У животных нет чувства привязанности детей к своим родителям после периода взросления и превращения подрастающего поголовья в полноценное взрослое стадо или табун, или отару. Непонятным образом вчерашний ребёнок, становясь самцом, добивается взаимности у своих сестёр и даже матери, а биологический отец становится соперником! Чудны дела твои, Господи! Это является ещё одним косвенным доказательством невозможности происхождения человека от животного!

Карька продолжал жить вольной жизнью, реже появлялся вблизи деревни, хоронился от людей в лесах. Даже на водопой не ходил к ручью. В глубине леса обнаружил небольшое озерцо, причудливо расположившееся в глухой чащобе. Питаемое родниками озеро и в жару было прохладным, по берегам

рос камыш, а на зорьке плескался карась. Утки вываживали своих утят, люди никогда не беспокоили тишину природного рая. Карька случайно обнаружил тропу, пролежавшую между деревьев; запах не вызывал беспокойства, это была оленья тропа. Жеребец видел грациозные создания, скрытно пробирающиеся вглубь чащи. Небольшая группа оленей прошла по тропе и так же сторожко, через небольшое время, вернулось обратно. Карька, раздираемый любопытством, двинулся с предосторожностями по тропе и через некоторое время вышел к озеру и утолил жажду. Потом часто жеребец пользовался водопоем, предварительно выждав какое-то время, чтобы не столкнуться с другими зверями.

Через месяц рана затянулась, и только небольшой шрам от копыта красовался на груди жеребца. Жизнь на воле научила осторожности и внимательности, появилась выдержанность и хладнокровие, стремительность принятия решения, от которого часто зависела его жизнь! Первое время удача сопутствовала Карьке, и со временем появился опыт.

Карька входил в пору взрослого жеребца, и кобылы стали вождедённой мечтой, заслонившей всё остальное. Урок, полученный от Серка, не прошёл даром, не зря Сарман называл Карьку не иначе как шайтан или по-церковному – лукавый враг рода человеческого. Но Карька врагом людям не был, просто так сложилось, что жеребец научился выживать без помощи людей, хотя молодые побеги зерновых – это дело рук человеческих. Сено хранили на колхозном сеновале, где Карька питался зимой. Колхозники накосили траву, просушили и сметали в стога, которые непорученными оставались несколько лет, а за ветхостью его пускали на подстилку скоту в стойловый период содержания. Коровам теплей и мягче лежать на сене. И навоз легче убирать. Так что как не крути, а без людей лошадям выживать труднее было бы. Карька не

задумывался и, когда уходил от волчьей стаи, знал, что запах человеческого жилья отпугивает беспощадного хищника, и бежал во всю лошадиную прыть в деревню, потому что другой защиты в степи нет! В конце лета Карька, охаживающий молодую кобылку, смог удовлетворить плоть. Случилось это в ночном, Серко был в другой бригаде и в ночное его не гоняли.

Карька убедился в отсутствии соперника, его не остановило бы присутствие нескольких жеребцов, он готов был биться насмерть за право обладать красоткой. Но колхозный жеребец мирно спал на далёком стане, откушав из торбы овса и испив прохладной воды из ведра, заботливо набранной из бочки с питьевой водой. Он пребывал в полной уверенности собственной безопасности. День прошёл хорошо, его бригадир взял под седло, и Серко с удовольствием побегал. Жары уже не было, седок был поджарый и особых хлопот не доставлял. Жеребец бежал уверенно и легко, только удила и седло доставляли некоторое неудобство и подпруги стягивали живот, но Серко привык и особого внимания не обращал, это намного лучше под седлом, чем целый день сенокосилку тянуть или грабли таскать, вот там тяжко. Да и во время жатвы коням работы хватало.

Карька был на вершине блаженства, за короткий срок ему удалось совокупиться с несколькими кобылами. Серко, вернувшийся из непродолжительной отлучки, был отставлен вниманием колхозных кобыл! Карька, объявившийся к ночи, сразился с колхозным жеребцом и в непродолжительной схватке одолел соперника и стал признанным вожаком табуна. Трудолюбивый Серко спокойно перенёс утрату влияния самца, только Буланка, мать Карьки, сердобольно относилась к отцу своего последыша. Утешение слабое, но Серко на большее и не претендовал, у животных родственные отношения прослеживаются между матерью и ребёнком только до поры

взросления. Будь Буланка помоложе, Карька не обошёл бы и её своим вниманием, как к самке! И потомство родилось бы нормальное, это людям нельзя так делать, где родственные отношения, как правило, длятся всю жизнь! Но может как раз из-за этого иногда человека величают Царём Природы, но есть некоторое количество людей утверждающих звериное начало у человечества. Бог им судья, может, у них и правда в предках обезьяна!

Карька заботливо обходил табун, кончалось лето, и вместе с ним заканчивались выпасы лошадей в ночном, роса стала холодная, и трава пожухла. Некоторые кобылки были обласканы вниманием Серка и забрюхатели, и Карька им был уже ни к чему. Жеребец злился, но сделать ничего не мог. Кобыла не женщина, её не изнасилуешь! Одним словом, успокоился Карька, а Серко в ночном пасся поодаль. Скоро лошадей перевели на стойловое содержание, конюшня за лето была высушена, и тёплый воздух от дыхания лошадей мало-помалу заполнял все уголки просторного помещения. Начались проливные дожди, рабочих лошадей выводили на работу всё реже, корма в коровники, свинарники и овчарни подвезли, да и в конюшню овса да ячменя поболее, пока ещё на телеге. Как только заморозки начнутся и снежок выпадет, тогда на сани переходят, это конечно тяжелее, чем телегу таскать, но гораздо реже. Летом кузнец подковал лошадей, и сейчас они щеголяли в новеньких подковах. Кроме сохранности копыт, на подковах делали шипы, помогающие не скользить зимой на скользкой зимней дороге, а в Сибири зима длится по полгода!

Для Карьки опять наступили тяжёлые времена, но он не унывал. Волчья стая была уничтожена после ночного набега голодных хищников на беззащитных баранов, почти половина отары была вырезана ошалевшими от запаха тёплой крови волками. Бараны безропотно позволяли себя убивать, робкое

блеяние не разбудило уснувшего скотника, дежурившего ночью в овчарне. Снега навалило выше крыши, и серые хищники по снегу добрались до люка, в который водовозкой скачивалась вода для того, чтобы поить овец. Люк оказался открыт по безалаберности людей, волчья стая пробралась в овчарню и вырезала баранов, после чего самцы перекинули по туше, а самки распотрошив пару-тройку овец, насытились и без особых проблем покинули кошару. Наутро насилу добудились до скотника, всё ещё пьяного, узнать ничего не удалось, но и без того было понятно, что это волчья стая пиновала. Председатель колхоза Бутырин на Правлении объявил охоту на волчью стаю, вызвалось шесть колхозников, из города обещали приехать из Общества охотников несколько егерей. Бутырин пытался убедить Секретаря райкома партии, что не нужны егеря, своими силами управятся. Тем более что местопребывание стаи известно, так называемые волчьи норы в километре от «Первого леска». Правда, зимой стая там не живёт, только когда волчицы охотятся, а молодые волчата ещё не подросли, стая живёт в норах. Но Секретарь райкома был неумолим.

В субботу ночью егеря и охотники, а таких набралось ещё человек пятнадцать, собрались возле конюшни. Трёх человек егеря категорически забраковали и отправили домой, перегаром и табачищем несло аж за версту. Сибирь – это не Центральная часть России, и здесь флажками не ограждали. Лес тянется на несколько десятков километров, и, если дневная лёжка была на одном месте, не факт, что до утра стая не уйдёт на несколько километров. Волк – умное и хищное животное, зверь, и законы у него звериные! Оседлали коней, кобыл старались зимой не беспокоить. Серко запрягли в сани и сложили самое необходимое, еду и питьё. Термоса были большой редкостью, страна ещё не оправилась после тяжелой

войны, и термос мог быть только трофейным. Фронтвики не любили охоту, но два термоса одолжили для охотников.

Верхом двинулись дружно и вскоре скрылись за домами, сани только отъехали от конюшни, особо торопиться было незачем. Место встречи определили – обратная сторона «Первого леска», оттуда до большого лесного массива было километра полтора не больше. В сани накидали побольше свежего сена, чтобы помягче и потеплей было ездокам, в мешок и торбу насыпали ячменя и топор прихватили, чтобы костёр сообразить погреться, да и снега растопить и коню питьё, и людям кипяток, а щепотку заварки насыпал, и чай готов, на морозе первое дело! Розвальни взяли побольше, для добычи, чтобы места хватило, за шкуру волка государство двадцать пять рублей платило, при летнем заработке – шестьдесят рублей, а зимой – десять-пятнадцать рублей; охота обещала стать хорошим подспорьем для семейного кошелька. Егеря по прибытии на место, где накануне обнаружили стаю, распределили и шёпотом повторили кратко задачу каждому охотнику и остались ждать, куда охотники на лыжах замкнут кольцо облавы и погонят волков на егерей; минуты вынужденного ожидания всегда томительны, стрелки часов ползут особенно медленно. Наконец почти через час охотники зашумели и стали стучать палками по стволам деревьев, шум медленно, но уверенно приближался. Оба егеря укрылись за кустарником, терпеливо ожидая стаю, выскакивающую под оружейный залп охотников. Но зверь всё не появлялся, когда охотники подошли к краю леса, стало окончательно понятно, что волки ушли, то ли почуяли неладное, то ли на охоту. И на это место, на дневную лёжку, не вернуться!

Немного посоветовавшись, егеря решились наудачу искать новую лёжку, вспомнили про опушку среди сосен и ельника весьма пригодную для лёжки, правда, до неё несколько

километров, но стаю надо уничтожить и желательно незамедлительно! Верховые опять дружно поехали к месту предполагаемого нахождения стаи. Уже рассвело, и день должен быть солнечным и морозным, утром мороз кусался, а к обеду немного веселей стало, и кони радостно трусили, застоялись в конюшне. Прибыли к месту, солнце было уже высоко. Егеря сторожко на лыжах проверили догадку, оказалось верно. Стая отдыхала. Сани подъехали спустя час, охотники разобрали лыжи и потихоньку пошли в облаву. Нельзя было спугнуть, иначе волки уйдут гораздо дальше, не найдёшь. А времени до вечера оставалось всего ничего, сейчас бы костерок да чайку горячего испить, да нельзя! Зверь учует запах дыма, и всё – кончилась охота, сторона хоть и подветренная, а всё-таки!

Томительное ожидание егерей оправдалось, кустарник в этом месте рос низкорослый, и волки видели людей, но из глубины леса двигались и шумели множество людей. Вырвавшись на простор, стая, следуя за вожаком, стала уходить, егеря начали стрелять и охотники открыли огонь, послышались жалобные визги раненого зверя. Вожака убили первым, из волчьей стаи уйти смогли только двое, и то один был ранен в лапу.

Уцелевшие после облавы волки ушли из родных мест, и только спустя пятнадцать лет мальчишки увидели возле волчьих нор щенят, но страх перед волками оказался сильнее любопытства, и они убежали. Дома рассказали взрослым, через день местные охотники приехали к волчьим норам и, собрав щенков в мешок, утопили в пруду. Оставшиеся охотники возле нор устроили засаду и, когда волки вернулись, из охотничьих ружей уложили зверей! На колхозных овец больше волки не нападали, на сто вёрст в округе истребили хищников. Зимой ездили, не опасаясь темноты, лошади не

всхрапывали в испуге, чуя запах зверя. Лес стал безопасным для человека, вскоре и лошади стали не нужны...

Карьке стало жить привольно, волков нет, и на волю его не покушаются. Сармана в деревне засмеяли – не смог жеребца поймать! Серко терпеливо сносил знаки внимания кобыл, оказываемые сопернику, красавцу жеребцу.

У Карьки грива шикарная, шелковистая, никто её не чесал, а грива была ровная, волос густой, и концы сворачивались в колечки! Карька бегал рысью, угнаться за ним не мог ни один конь, стригунки с уважением расступались перед жеребцом, табун целиком подчинялся жожаку. Карька мог запросто увести кобылку из ночного и пару-тройку дней гулять с ней на просторах между берёзовыми колками или забрести в густой смешанный лес, где хвойные перемежались с лиственными деревьями и, остановившись на широкой поляне, миловаться с молодой кобылкой. Зрелые кобылы не позволяли себе такой вольности, короткий акт совокупления, быстро оканчивающиеся нежности – и дальше пастись, потому, как поутру запрягут в бричку и, айда, целый день – таскай её! Ладно, если пустую, а то нагрузят до краёв и тащи телегу, напрягая все силы, хорошо, если возница в годах и с пониманием относится к лошади, к непростой судьбинушке, выпавшей на её горемычную долю. А то мальчонку посадят, и пошла плясать родная, проехать – так рысью и непременно крупной, что чуток потише галопа, лошадь устанет, вспотеет, ей бы отдохнуть часок-другой, ан нет, навалят полную телегу и волоки груз, и никому невдомёк, что ночью кобыла была счастлива вниманием молодого красивого жеребца Карьки! И даже помолодела ненадолго: в аккурат до тех пор, пока хомут на неё не надели и не запрягли в эту ненавистную телегу. А ночью опять на луга пастись, дремать в ожидании появления жеребца.

Серко теперь всё время особняком пасся, только Буланка иногда подходила к нему и то ненадолго, по старости списали кобылу, а копыта содрали – в самом деле – не пропадать же добру. Буланку и ещё трёх её сверстниц увели на мясокомбинат, кобылы понимали, куда их ведут. Не вырывались, только слёзы текли из глаз. Смотреть, как стадо ржало, прощаясь с кобылами, было всегда тяжело. Мужики скрывали за грубостью свои переживания, мальчишки, стесняясь, ревели. Степану нужно было определить, какую из лошадей отправить на убой. Ночей не спал и в конюшню старался реже заходить. Буланка ласково уткнётся в спину Стёпе, он, бывало, вынет из кармана краюху хлеба, густо солью посыплет и протянет лакомство кобыле. Любил он её, а Буланка всех любила, даже когда неопытный возница стеганёт кнутом незаслуженно, не брыкалась, только обиженно тихонько поржёт, и всё! И вот так вышло, что Буланка самая старая кобыла и подлежала отправке на убой. Несколько раз Степан убеждал оставить кобылу, дескать, ещё может жеребёнка хорошего принести, но Карька оказался последним её плодом. Лошадей разобрали по работам, в конюшне остались только подлежащие забою. Пока сдирали копыта, стояла тишина, потом на лошадей надели верёвочные арканы и связали вместе. Стёпа крепился, когда открыли ворота, увидели Карьку, жеребец стоял и бил копытом по снегу. Это означало, что жеребец злится, Карька заржал и угрожающе встал на дыбы. Два часа не могли вывести лошадей из конюшни, пока мимо проезжавший верхом на Мальчике Сарман увидел Карьку и схватился за аркан. Поймать жеребца представлялся заманчивый случай, Карька был вне себя от ярости и не обращал внимания на подъезжавшего сзади на коне мужика, но то ли рука дрогнула в последний момент от вожделения поймать непокорного жеребца, то ли счастье опять улыбнулось Карьке, только петля

просвистела над головой. Карька поднялся на дыбы, злобно заржал и, повернувшись на задних копытах, прыгнул в сторону всадника, Мальчик отпрянул в сторону, и Сарман выпал из седла! Карька умчался, лошадей увели в город и сдали на мясокомбинат. Приёмщик ругался, что поздно привели, и даже завернуть хотел, но оказалось, что забойщики ещё не ушли, и им пришлось принять на убой четырёх лошадушек...

Деревня чуток позубоскалила по поводу падения Сармана с молодого жеребчика по имени Мальчик. По молодости его не запрягали в телегу или сани, под седлом ходил конь. Вся деревня любовалась, как Мальчик плясал от желания скакать во всю прыть, жеребец буквально танцевал, выбивая копытами немислимую дробь, и ездуку приходилось натягивать поводья уздечки, сдерживая прыть Мальчика. Но, как только удила переставали давить, вынуждая сворачивать шею, задирая немного вверх, жеребец пускался рысью, переходящую в галоп, и так легко и красиво это у него получалось, что однажды, увидев эту картину, уже невозможно было забыть желание жеребца мчаться во весь опор! К сожалению, летом работы много и жеребчика стали запрягать в бричку, сенокосилку и даже тяжелейшие грабли пришлось таскать Мальчику, и всё! Жеребец стал уставать от тяжёлой работы, и лоск исчез, под седло его не брали, и к осени из прыткого бегунка Мальчика получили обычного коня, способного тянуть тяжёлые сани, телегу и прочие приспособления, но скакать во весь опор, споря с ветром, Мальчик уже не мог. Сарман больше всех переживал, ему хотелось на Мальчике нагнать в степи Карьку и, накинув волосяной аркан, притащить непокорного жеребца в конюшню.

Карьке исполнилось восемь лет, он по-прежнему был вожаком в табуне. Выросло уже не одно поколение жеребят от Карьки, а жеребец продолжал наслаждаться вольной жизнью.

Не страшна ему сибирская зима по полгода и морозы сорокоградусные, весенняя бескормица. Всё научился переживать карий жеребец-красавец. Но однажды приехал в деревню к родственникам старый казах Сыздык, с жидкой седой бородкой, на молодой белой кобылке. Услышав от родичей про жеребца Карьку, вызвался помочь. Вместе с Сарманом, они привязали в глубине конюшни кобылку, справедливо полагая, что самец не устоит перед чарами молодой красавицы. Ждали долго, Карька всё не шёл. Только на третий день Карька, пробегая мимо раскрытых ворот, почуял характерный запах молодой, истекающей от желания кобылы. Осторожно вошёл в распахнутые ворота, запах, источаемый кобылой, возбуждающе действовал на Карьку. Подойдя к кобыле, обнюхал её. Осторожность всё-таки возобладала, и жеребец, слегка прикусив за нижнюю губу кобылку, пошёл на выход. Кобылка осталась стоять на месте, так как была привязана. Карька вернулся и повторил приказание следовать за ним, но как только он сделал несколько шагов, тут же почувствовал, как неведомая сила обхватила его за шею и стала сдавливать, затрудняя дыхание. Карька попытался встать на дыбы и освободиться от удушающего волосяного аркана, сделанного из конского волоса, но как только жеребец попытался подняться на дыбы, режущая сила передавливала горло и не давала дышать, пришлось опуститься. Сарман крепко держал волосяной аркан, упершись ногами в столб, на котором крепилась матка крыши конюшни. Для надёжности аркан обвили вокруг столба и завязали на узел. Карька не сдавался, белки глаз налились кровью, жеребец и не думал сдаваться, впервые он так глупо попался, но Карька решил до смерти бороться за свою волю! Ещё несколько раз он пытался встать на дыбы и порвать ненавистный аркан, обхвативший его за шею, но тщетно. Он метался, насколько позволяла длина аркана, и начал уставать,

после очередной попытки встать на дыбы Карька обнаружил, что длина аркана уменьшилась и с каждой попыткой морда жеребца всё ближе оказывалась к столбу. Наконец столб вплотную приблизился к морде Карьки, и встать на дыбы он теперь уже не мог, но продолжал брыкаться, хотя это доставляло боль, прежде всего самому Карьке. Всякое движение телом отображалось на морде, прижатой арканом к столбу. Кроме аркана, на него набросили петлю из верёвки и сделали растяжку, чтобы жеребец не мог свободно поворачиваться. Карька устал, пот заливал глаза, он видел только перед собой и немного по бокам. Сарман с подоспевшими мужиками закинул на спину Карьки два мешка с песком, заблаговременно приготовленных и стоявших неподалёку от кобылки, которую сразу же увели. Карька хрипел и брыкался, но мешки были крепко привязаны к его спине – Сыздык придумал. Двое суток стоял жеребец в запертой конюшне с мешками на спине.

Было тяжело, хотелось пить и есть, но больше всего Карьку угнетали мысли о потере свободы. Не гулять вольно по степи, не забредать в поисках прохлады в укромные места и водицы студёной из родника не пить! Жеребец привык, что его не могут поймать, и жил в своё удовольствие. Никому он ничем не обязан и не будет таскать всякие телеги и сани, сенокосилки и прочую дребедень, чтобы получить вечером ведро овса! Он вырвется из кабалы, так в полудрёме прошла ночь. Утром ворота конюшни заскрипели, пришли люди. Обошли вокруг, посмотрели. Карька через силу взбрыкнул пару раз, и люди ушли. Хотелось пить и есть, мешки с песком давили на спину. Карька бы упал, но арканы туго держали на привязи его к деревянному столбу, и он не мог опуститься на землю. Наступила вторая ночь, Карька не сдавался. «В весеннюю бескормицу, бывало, несколько дней не ел, и ничего, и сейчас вытерплю», – думал Карька, правда, тогда его

шею не сдавливал волосяной аркан, и жеребец всегда мог поживиться на колхозном сеновале сеном. Охрана, конечно, стерегла колхозное добро, но на ночь уходила спать, и тогда можно и поесть, и поспать за скирдами с сеном.

Вот и рассвет забрезжил, солнце нехотя поднималось в духоте. Ворота опять заскрипели, Сарман и Сыздык подошли, молча без разговоров. Карька, предчувствуя беду, насторожился, на морду ему одевали какую-то дрянь, с которой все лошади щеголяли. Карька решил не позволить проделать с ним такое унижение. Вдруг по губам ударили железом; инстинктивно Карька раскрыл губы, обнажив здоровые крепкие зубы, и тут же получил удар по зубам железом. Спасая зубы, жеребец открыл рот и заржал и тут же почувствовал, как между нижней и верхней челюстью оказались металлические удила, – страшно неприятная штука, не позволяющая сжать челюсти и укусить врага! На голову коня торжествующий Сарман натянул уздечку. Карька хрипел и мотал головой, пытаясь помешать человеку превратить себя в слугу!

Карька не смог помешать человеку надеть уздечку, но никогда человек не будет сидеть на его спине! В это время тяжесть на спине увеличилась. Вдвоём с Сыздыком Сарман надел седло на жеребца и крепко затянул подпруги. Как только Сарман сел на Карьку, Сыздык ловким движением ослабил аркан и сбросил его с головы коня, тот рванулся в сторону и, почувствовав небольшую свободу, встал на дыбы и порвал вторую верёвку, привязанную к другому столбу, но сбросить седока не удалось. Карька рванул к выходу что было сил, сейчас, наконец, он избавится от ненавистного седока, осмелившегося оседлать его. Пустившись во весь опор, Карька прыгал из стороны в сторону, пытаясь сбросить всадника, но Сарман не зря славился своим умением объезжать лошадей, длинные ноги почти сходились под брюхом лошади и крепко

держали Сармана в седле. Скинуть его было невозможно! Несколько часов Карька носился по степи, не разбирая дороги, жерсть не давала ему успокоиться.

Всему есть конец, Карька устал и смирился. Он уже не скакал и даже не бежал трусой. Жеребец шёл шагом, на спине у него восседал человек, покоривший когда-то его предков, а сегодня и черёд Карьки настал. Жеребцу было тяжело нести на своей спине всадника и мешки с песком, но никто и не думал его освободить здесь, в степи. Он должен был в таком виде вернуться в конюшню, чтобы все видели, что и Карьку укротили! Когда с коня сняли мешки с песком, он облегчённо вздохнул. Стало легче, но жеребец стоял в деннике и был объезжен человеком! Сыздык подозвал Степана, дал ему горбушку чёрного хлеба, густо посыпанного солью, и сказал: «Дай коню, и он всегда будет считать тебя своим Хозяином!». Стёпа, робея, подошёл к замученному жеребцу Карьке и протянул горбушку. Карька недоверчиво повернул голову и, услышав запах соли и хлеба, потянулся к Стёпе. Жадно схватил краюху и, пережёвывая, с благодарностью посмотрел на конюха. Сыздык велел до вечера не поить жеребца, Степан принёс на закате два ведра прохладной воды, и Карька выпил всё до доньшка. С тех пор между ними завязалась дружба, Карька никому не давал убираться в своём деннике, кроме Степана. Запрягать Карьку мог только Степан, других жеребец кусал. Карьку подковали, он впервые надел обувь для лошадей. Сан Саныч удивлялся крупным копытам жеребца, специально выковал подковы, и Карька разрешил подковать себя, тем более что Стёпа обещал, что это не больно и удобно, особенно зимой. Щеголяя в новых подковах, Карька заметил, что кобылы стали более благосклонны к нему, что с них взять, кобылы!

Карька не любил таскать телеги и прочие приспособления, но когда Стёпа запряг жеребца в грабли для сбора сена, а это – огромные железные колёса, высотой с коня, и железная балка, к которой прикреплены длинные дугообразные прутья и сиденье из металла для человека, вот что из себя представляли грабли, тогда жеребец и почувствовал всю тяжесть работы колхозного коня! Карька чуток налёт, а грабли не сдвинулись с места. Другие лошади, таскавшие грабли, с интересом смотрели, одолеет силач технику или техника одолеет Карьку. Жеребец налёт, что было мочи, и потащил, как пёрышко, тяжеленные грабли. Возница дядя Паша славился своим трудолюбием и в тот день выполнил две нормы по сбору сена в валки. Вечером на Карьку смотреть было жалко, пот в три ручья с него тёк, возница выпряг коня и передал его конюху. Степан повёл в поводу трудягу. Невдалеке в колке было озерко и трава сочная, обычно туда в ночное лошадей гоняли. Стёпа повёл Карьку, боялся, что не остынет, пока дойдут до леса, и тогда надо будет ещё немного поводить. Вечер выдался тёплый, но не душный, и прохладный ветерок обдувал хорошо. Скоро Карька высох, и его можно было поить. Конь зашёл в воду, постоял задумчиво и стал пить. Стёпа нарвал жёсткой травы, снял штаны и в трусах зашёл в воду. Намочив бока коню, он стал шоркать пучком зелёной травы, что есть силы. Чистый и накормленный конь лучше работает. Удила не мешали жеребцу, Стёпа их рассоединил, не снимая уздечку, и освободил рот коню. Карька уже привык к уздечке и удилам, только к неволе привыкнуть было сложно. Вот ничто не мешает ему сейчас, как раньше удрать на волю, а нет сил. Выложился за день так, что все думки только о еде и отдыхе. И к мальчишке привык, уж больно ласковый он, и горбушка с солью всегда при нём. Убежать от такого не хочется. Ноги у жеребца гудели всю ночь, и утром,

когда Стёпа хотел надеть хомут, чтобы запрячь в грабли, где уже нетерпеливо ожидал дядя Паша, Карька встал на дыбы и аккуратно толкнул конюха, да так, что Стёпа упал на пятую точку опоры и выронил хомут из рук. Телегу или сенокосилку Карька таскал, а к граблям больше не подошёл ни разу!

Осенью Стёпу отправили на курсы трактористов-комбайнёров. Уезжал конюх с неохотой, понимал, что скоро техника заменит лошадок, но расставаться с Карькой было тяжело. Последнюю ночь перед отъездом, парень просидел в конюшне, рядом с другом. Объяснял, что за техникой будущее, а Карьку он выкупит у колхоза, и будут они вдвоём за дровами ездить или картошку дома под плуг сажать, в хозяйстве для лошади всегда найдётся работа. Так и уснули вдвоём, Стёпа в яслях, а Карька, стоя, рядом. Поутру Стёпа убрал в деннике и насыпал овса в ясли, подождал, пока друг поест и попьёт, вывел его из конюшни и запряг в телегу, затем подошёл к Карьке, обнял за морду, расцеловал и заплакал... Жеребец тыкался в руки, ища горбушку, а Стёпа повернулся и пошёл быстрым шагом, потом побежал по направлению к дому.

Курсы пролетели быстро, много новых слов. Техника требует образования! Ближе к весне Степан сдал экзамены и, получив «корочки» тракториста-комбайнёра, вернулся домой. Заскочил на минутку к себе, вещички оставил и бегом на конюшню. Запыхался, в кармане горбушка чёрного хлеба и спичечный коробок с солью. Двери конюшни были прикрыты, но не на запоре. Стёпа вошёл и в сумраке не сразу разобрался, включил свет и пошёл по проходу между денниками, половина лошадей ещё не вернулась. Стёпа решил ждать Карьку. Вот обрадуется друг! Ворота заскрипели, и вошёл бригадир, ведя на поводу Мальчика. Сильно сдал конь, от былой прыти не осталось и следа. Увидев Степана, бригадир всплеснул руками:

– Мать честная, Стёпка, ты что ли? А мы тебя ждали в апреле, – вдруг смутившись, сказал бригадир.

– Да вот экзамены сдал и сразу домой, – торопливо объяснял Степан.

– Ну, ну. Смотри, как вырядился, совсем городской стал. За такого любая девка замуж пойдёт! – старался оттянуть разговор Иваныч.

– Ну, а Карька мой тут – как? Небось, опять жеребят настряпал целую кучу? – не утерпел парень.

– Хм, оно, конечно, жеребята – дело хорошее! Только всё равно трактора заменят наших лошадушек, – отводя глаза, произнёс пожилой мужчина. – Вам, молодым, сейчас об образовании думать надо. Вот ты, молодец, выучился на тракториста, а мой Васька только на девок заглядывается. У тебя Стёпа, как с этим? Жениться не надумал? – спросил Иваныч и деланно захохотал.

У Стёпы всё внутри оборвалось, от нехорошего предчувствия.

– Карька где? – крикнул он.

– Да ты понимаешь, Карька никого к себе не допускал. Не ел, не пил. Как ты уехал, он и стал фардыбачить. Ветеринар хотел укол сделать, а он ему копытом в пах. Думали, помрёт, но ничего, Егор Кузьмич хоть и жидкий на вид, а жилистый – оклемался помаленьку. А Карьку по такому случаю в город отправили, значит. Ну, ты понимаешь, никто с ним сладить не мог, а ты уехал! На всякого, кто к нему в денник заходил прибраться или покормить, Карька кидался и топтал! Ну, чё было делать? Правление решило в отставку твоего жеребца. Ну, на бойню, значит...

Стёпа начал хватать ртом воздух, и вдруг изнутри его вырвался стон да такой глубокий. Парень осел на пол и зарыдал. Иваныч пытался поднять и вывести на воздух парня, но

только с помощью подошедших мужиков смог сделать это. Один из припозднившихся мужиков поинтересовался.

– А чё это Стёпка блажит, как бабка Севачиха, – и ехидно захихикал.

– Пасть свою закрой! – рявкнул Иваныч.

В телегу запрягли Мальчика и повезли Стёпу домой.

Через пару дней Степан проходил мимо кузни, Сан Саныч окликнул его. Степан, войдя в кузню, нахмурясь, поздоровался, кузнец попросил обождать и полез в свой заветный закуток, что-то достал и вручил Стёпе.

– Подкова Карькина, отродясь таких подков не ковал. Вот оставил тебе на память.

– Спасибо, – прошептал Степан, хотел ещё сказать что-нибудь хорошее, но хлынувшие слёзы и комок в горле не дали этого сделать...